

АРХИТЕКТУРНАЯ ПРАКТИКА НОВОСИБИРСКА СЕРЕДИНЫ ХХ ВЕКА: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСОВ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ В 1940 – НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ

УДК: 72.036

ББК: 85.113

Идентификационный номер Информрегистра: 0421200020\0010

Петренко Сергей Дмитриевич

выпускник СПбГАИЖСА

Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи,
скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования городских ансамблей Новосибирска в период с 1940 по 1954 годы, влияние на процесс архитектурной практики общесоюзных постановлений и директив, а также деятельность местного отделения ССА СССР.

Ключевые слова

архитектура Новосибирска, комплексная жилая застройка, архитектурный ансамбль

Более пятидесяти лет отделяет нас от того момента, когда в ноябре 1954 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание архитекторов, строителей и работников промышленности строительных материалов по вопросу архитектурной практики, остановившее дальнейшее «культивирование» классических архитектурных форм. Но за время, предшествовавшее этому постановлению, творения советских зодчих не только определили образ застройки улиц российских городов, но и заняли достойное место в истории отечественной архитектуры.

На сегодняшний день важно дать объективную оценку сооружениям, возведённым с 1940 до 1954 года, установить их значение для г. Новосибирска, ведь значительная часть жилых кварталов многих городов, в том числе и Новосибирска, уже относится к категории ветхого жилья. Учитывая продолжительный временной промежуток, а также низкий уровень строительной базы многих провинциальных городов, особенно остро встает вопрос сохранения жилого фонда, создававшегося более чем полувека назад. Новый генеральный план Новосибирска предполагает на период 2006 – 2015 гг. увеличение объемов строительства как раз за счет сноса ветхого, а также аварийного жилья. В соответствии с программой мэрии Новосибирска № 362 от 25.02.2004 г., к 2010 г. предусмотрен снос 437,9 тыс. кв. м ветхого и аварийного муниципального и государственного жилья с переселением граждан в благоустроенные жилые дома. В последующем, учитывая ежегодный износ существующих зданий, процесс переселения будет продолжаться, в основном за счет сноса старых деревянных одно- и двухэтажных зданий»[3].

До настоящего времени история застройки Новосибирска в 1940 – 1950-х годах малоэтажной каменной архитектурой, возведенной по индивидуальным и типовым проектам, местными авторами отражена слабо. Внимания исследователей удостоивались в основном многоэтажные каменные здания, сосредоточенные на главных площадях и магистралях города. В отношении же двух- и трехэтажных строений имела место лишь простая фиксация их существования в застройке городских кварталов, да и то далеко не всех (исключение составляют район «Красная Горка» и поселок завода «Тяжстанкогидропресс»). Такая же ситуация была и с основной массой 4- и 5-этажной жилой архитектуры Новосибирска.

Существовал как бы необходимый (или обязательный?) в каждом вновь выходящем издании набор

реализованных в городе архитектурных проектов. Из предвоенных проектов, в которых есть прямые цитаты на классику, постоянно встречается т.н. «генеральский дом», подвергшиеся реконструкции здания Академии наук, Оперный театр, Плановый институт и здание Промбанка. Из построенных в послевоенные годы отмечают жилые дома на пл. Калинина, дом на пересечении Красного проспекта и Октябрьской магистрали, НИИЖТ, жилой дом Главвостока. Все остальное – это, как правило, список перечислений выстроенных зданий без указания их местоположения и авторства.

В результате складывается несколько странная панорама города: как бы штучные постройки на фоне практически пустых кварталов жилых районов.

Соответственно, цель статьи – на основе многоаспектного изучения материала воссоздать историю формирования комплексов жилой застройки Новосибирска в 1940 – начале 1950-х годов с широким привлечением архивных источников.

В рассматриваемый период строительство проходило по генеральным схемам, составленным в 1932 г. и в 1950 г., которые неоднократно корректировались и дорабатывались. Все планировки советского периода имели под собой, как правило, индустриальное обоснование. Такое положение привело к раздробленности города, состоявшего из достаточно самостоятельных и независимых друг от друга районов.

В свое время С.Н.Баландин констатировал, что «...развитие жилищного строительства в Новосибирске в послевоенное десятилетие проходило без генерального плана города. Это чрезвычайно затрудняло руководство его застройкой. Невозможно было соблюдать элементарную градостроительную дисциплину, не ошибиться в размещении промышленных объектов, общественных зданий, в застройке отдельных территорий, площадей и магистралей» [2, С. 27].

С таким утверждением автора можно согласиться лишь отчасти. То, что на период составления генеральной схемы представляло объективную проблему – сложившаяся расчлененность жилых районов, отсутствие единого архитектурного решения и развитой инфраструктуры – спустя полвека выглядит иначе.

Во-первых, заданный крупный масштаб магистралей, кварталов и площадей авторами генеральных планов 1932 г. (1935 г.) оказался верным, а учитывая современный поток транспорта даже недостаточным. Это обусловило строительство новых крупных транспортных развязок на главных магистралях города в первом десятилетии нового столетия – на пересечении Красного проспекта с ул. Фабричной, в районе разъезда Иня; ведется строительство нового, третьего, моста через Обь, выходящего к бывшему поселку Оловозавода.

Во-вторых, сегодня мы видим, что плотность застройки сильно возросла по сравнению с 1970 – 80 годами, когда С.Н. Баландин писал второй том «Истории градостроительства», то есть в то время, когда многие районы Новосибирска все еще сохраняли известную обособленность. Сейчас стало очевидным, что в генпланах 1932 г. (1935 г.) были заложены резервы с учётом перспективы жилищного строительства в целях формирования единой градостроительной ткани Новосибирска.

Необходимо учитывать, что история новосибирских генеральных планов развивалась в условиях сложных внутривластных процессов конца 1930-х годов, на фоне событий Великой Отечественной войны, поэтому оттягивание сроков утверждения проектов и многочисленные их изменения выглядят вполне закономерными. Но в целом можно констатировать, что градостроительные принципы, положенные в схемы довоенных планов (несмотря на ряд неизбежных ошибок непринципиального характера), верно учитывали будущие возможности растущего города.

Только в 1968 г. был окончательно утвержден новый генплан Новосибирска на всесоюзном уровне.

Лучше понять архитектурную жизнь Новосибирска помогают изученные фонды Союза архитекторов из архивов ГАНО (Государственного архива Новосибирской области).

За период с 1942 по 1943 гг. в Новосибирск приехало много архитекторов и проектных организаций, принеся с собой новые методы и новый подход к работе. Если на 22.06.1941 г. отделение Союза насчитывало 101 человек, в 1942 г. – 139, то после эвакуации в 1943 г. в отделении ССА состояло уже 170 человек.

Особое беспокойство вызывала ситуация в местных проектных организациях. В качестве самокритики была отмечена недостаточная борьба за качество проектирования в местных организациях, и в итоге монополистами в проектировании оказались крупные приезжие организации.

Новосибирск за годы войны посетили крупные мастера архитектуры. Были организованы выступления академиков архитектуры – А.Г.Мордвинова, членов-корреспондентов Академии

архитектуры В.Л.Гофмана, А.И.Гегелло, В.А.Витмана и др. В это же время в городе жили выпускники строительно-архитектурных вузов Украины, Москвы, Ленинграда, хотя Всесоюзным правлением им было отказано в приеме в члены Союза. Впрочем, можно предположить, что присутствие известных мастеров никак не повлияло на архитектурную практику новосибирских зодчих. «Тов. Васильев: «К нам приехали товарищи, которых мы знали по журналу Истории Архитектуры СССР, на которых мы смотрели всегда «вот если бы нам с ними поработать». Приехали в Новосибирск величины большого порядка, и мы в течение двух с половиной лет плохо использовали этих людей. Костяк, который работал здесь, мало с ними общался. Здесь была бригада Академии Архитектуры» [5].

В 1944 году на очередном заседании Отделения Союза неизвестным автором был зачитан доклад «Творческий путь и задачи новосибирских архитекторов». Складывается впечатление, что в первой части автор как бы оправдывается за низкий уровень архитектурной культуры Новосибирска. Им сравниваются исторически сложившиеся условия Ленинграда, Москвы и Новосибирска и вполне справедливо отмечается, что в Ленинграде, где сосредоточены памятники русского зодчества, сработавшиеся опытные кадры, институты, библиотеки, академии, архитектурная школа создается относительно без малейших усилий. «...Что же говорить про Новосибирск. Памятников зодчества здесь нет, кадры были молодые да еще воспитанные на конструктивизме, библиотек нет, связь с центром плохая. Осваивая классику – одни стеснялись применения ее внешних атрибутов (капители, фронтоны и т.д.), другие применяли классические формы без понимания их существа (ставили пилястры на случайных местах без ритма), третьи занимались формотворчеством»[6].

Не меньшего внимания новосибирских зодчих удостоилась проблема создания собственного оригинального сибирского стиля. Этот вопрос нередко вполне серьезно обсуждался архитекторами в военное время, но после 1945 года эта тема уже не поднималась и в обсуждениях не встречалась: «Кравцов: «Мне кажется, что сейчас в ближайшие годы после войны, когда мы приступаем к реконструкции нашего города, мы должны идти по какому-то плану. Мне бы хотелось услышать мнение Алексея Ивановича относительно специфичности сибирской архитектуры».

Гегелло: «Вы задаете трудный вопрос насчет специфичности сибирской архитектуры. Мы вообще не имеем ясного лица советской архитектуры. Мне кажется, что архитектура должна быть простой, лаконичной, основанной на хорошо найденных пропорциях. Но трудно сказать как это найти. Сибирская архитектура должна вытекать из климатических условий, из местных строительных материалов и из декоративных элементов архитектуры»[7].

Кто знает, если бы архитектор А.И.Гегелло дал вполне готовый рецепт жаждавшим творческой оригинальности провинциальным зодчим, высказавшись более конкретно и определенно, то, вполне возможно, некоторые новосибирские здания (а это, скорее всего, малоэтажные постройки высотой в два-три этажа) могли бы иметь несколько другой архитектурный декор.

Четыре года спустя, когда в стране начнется борьба с формализмом (в связи с решением ЦК ВКП(б) об опере Мурадели «Великая дружба»), на очередном совещании Отделения ССА в 1948 году оценка работы творческой мастерской академика И.В.Жолтовского получит жесткую оценку.

Выступление тов. Смирнова Л.А.: «Мне обидно за ту беспринципность в архитектуре левобережного Новосибирска, которая увековечила себя в постройках жилого массива, выполненного по проекту бригады архитекторов, руководимой академиком Жолтовским. В свое время архитекторы, работавшие на строительстве, возражали против этой архитектуры, но авторитет Жолтовского был непоколебим и не подвергался критике. Сегодня его архитектура выглядит безрадостно. Это маловыразительная каменная стена большой протяженности»[8].

Очевидно, про архитектора И.В.Жолтовского на заседании новосибирского отделения ССА вспомнили не случайно. Незадолго до этого в журнале «Советское искусство» от 6 марта 1948 г. вышла статья «Пережитки формализма в архитектуре», в которой академик И.В.Жолтовский подвергся такой же жесткой критике: «Гораздо труднее распознать проявление формалистических элементов в тех сооружениях и проектах, где они выступают под маской классических форм... Их питают два источника. Первый – ...отрыв от реального строительства и непонимание... вкусов и потребностей советского народа, а второй – это распространение среди активного и влиятельного направления в советской архитектуре – так называемой «школы Жолтовского» – убеждение в существовании неких внеисторических и внесоциальных канонов красоты» [4, С. 234].

Понятно, что новосибирские зодчие не только должны были как-то отреагировать на данные выступления, но и дать, несомненно, схожую оценку творчества архитектора И.В.Жолтовского.

Термин «беспинципный», прозвучавший у тов. Смирнова, является в данном случае синонимом слов внеисторический, внесоциальный, идеалистический, то есть те понятия, которые фигурируют в качестве обвинений в столичной прессе.

Критике школы И.В.Жолтовского предшествовал зачитанный на этом же совещании доклад доцента Сибирского строительного института, кандидата архитектуры Н.С. Кузьмина: «В застройке города наблюдается неодинаково высокое качество центральных и периферийных сооружений. Разумеется, что, с точки зрения основного принципа гармонии, необходимо общественные здания выделять из общей массы жилых домов. Однако мы не можем допускать наряду с добротными, красивыми и опрятными зданиями театров, отдельных жил. домов на магистралях, общественных зданий на площадях – грубость, неряшливость, низкое качество архитектуры промышленных цехов, жилых домов, школ, детсадов, клубов, другие массовые сооружения»[8].

Далее несколько слов было сказано о проблемах в промышленной архитектуре и о влиянии на последнюю все еще не изжитых принципов конструктивизма. Автор подверг большой критике типовые проекты, которые в результате неправильного и упрощенного их понимания архитекторами становятся скучными, монотонными и однообразными.

В адрес колхозных и городских клубов была высказана особенно резкая критика докладчика – от несоответствия функции здания и его образного решения до обвинения в оскорблении эстетических чувств советского населения.

Завершает обзор работы новосибирских архитекторов Н.С.Кузьмин следующей сентенцией: «... Только пережитками конструктивизма и формализма можно объяснить творческие ошибки авторов проектов массовых сооружений» [8].

Интересно, что доклад был сделан в прошлом страстным апологетом конструктивизма Н.С. Кузьминым. Остается только догадываться – случайно пала на него эта миссия или нет? В целом же, несмотря на достаточно предсказуемые выпады против конструктивизма и формализма, Н.С. Кузьмин дал достаточно объективную картину архитектурного лица г. Новосибирска.

На момент доклада (1946 г.) в городе работало 76 архитекторов, и только 36 из них были заняты проектированием. Автор отмечает, что многие ушли на административно-учрежденческую работу и на строительство, а их места заняты молодыми, малоопытными архитекторами. Сибирский строительный институт остался без здания. Школы мастеров художественной отделки и отделочных работ нет. Резюмируется текст доклада тем, что «здесь нельзя защитить диссертацию на ученую степень, нет научно-исследовательских учреждений. Вопрос создания ответственных архитектурных ансамблей в городе решается, по выражению академика Алабяна, «лоскутно», а, следовательно, неполноценно»[8].

Неизвестный автор этого доклада прекрасно понимал экономические ресурсы родного города и, очевидно, поэтому предпочел сделать попытку реабилитации местных строительных и проектных организаций.

Произошедшая в 1954 г. «революция» в архитектуре СССР как-то спокойно и даже с облегчением была воспринята новосибирскими зодчими, о чем можно судить по докладу Б.А.Биткина, сделанному им в 1955 году и включавшим в себя обзор строительной деятельности в Новосибирске за последние три года. Заканчивался доклад главой «Творческое направление»: «Разбирать вопрос о творческом направлении на работах, выполненных в 1954 г., едва ли есть смысл. Декабрьское совещание требует пересмотра позиции. Приходится слышать мнение о необходимости коренной ломки – это выглядит, примерно, как полный отказ от классицизма и равнение на несколько обогащенный конструктивизм. Отказ от архитектурных излишеств и необходимость учитывать новую индустриальную технологию строительного производства – не предпосылка для таких выводов»[9].

При рассмотрении основных этапов развития советской архитектуры, автором было отмечено, что в условиях военного времени учитывали только технологические требования строительства. В послевоенное время зодчие поначалу проявляли некоторую сдержанность и строгость в архитектурных формах, стремились к оправданности декора. «...Потом эта сдержанность исчезла. Основоположником поворота можно считать Чечулина. Стало – «чем богаче, тем лучше». Потерялся критерий сдержанности, чувство меры. До войны считалось применение ордера для жилых домов неоправданной дворцовостью, несоответствующей образу жилого дома, а потом дошло до многоярусных ордеров»[9]. Пожалуй, это один из немногих случаев, когда местный архитектор делает публичный выпад против столичного зодчего.

Можно заметить, что автор, констатируя произошедшее, все-таки проявляет некоторую осторожность и призывает не спешить с выводами, показывая на примере исторической эволюции

Рис.1. Жилой дом. Ул.Станиславского, 3. 1941 г. (Фото автора)

советской архитектуры, насколько ее стилистика может резко меняться.

В результате обзора целого ряда архивных материалов можно говорить об отсутствии единых или наличии быстро меняющихся критериев. Поэтому возникает вопрос: что же было сделано в области ансамблевого строительства и на основании каких директив?

Нами были сопоставлены натурные и архивные фото, проектная графика, а также суждения рецензентов при обсуждении проектов (всего автором было изучено семнадцать различных проектов). В статье рассмотрены наиболее характерные варианты застройки.

Еще в 1930-е годы началась застройка левобережной части Новосибирска заводом Сибметаллстрой, бывшим на тот момент одним из самых крупных предприятий города. Примерно такая же ситуация оставалась и после войны – основная часть проектируемых и застраиваемых жилых кварталов в Левобережье по-прежнему принадлежала комбинату №179. По своим художественным качествам уровень возводимых в Левобережье построек был не всегда одинаковым – внутриквартальная застройка, как правило, значительно уступала жилым зданиям, выстроенным на главных улицах. Причем, не уделялось достаточного внимания не только архитектурным решениям, но и качеству строительных материалов, остававшемуся достаточно низким. Все эти противоречия можно наглядно увидеть на примерах кварталов №№1, 2.

Проект застройки квартала принадлежит московскому отделению Горстройпроекта. Авторы же зданий почему-то менялись, несмотря на то, что дома уже строились. Утверждение этих проектов прошло без обсуждения их в г. Новосибирске (по крайней мере, никаких материалов по этому поводу в новосибирских архивах не обнаружено). Сохранилось только выступление товарища Л.А. Смирнова, о котором мы упоминали.

Первенцами каменного строительства в кварталах №№1,2 были жилые дома «в строчку», возведенные еще в начале 1930-х годов по проекту немецкого архитектора Э.Мая, архитектурное решение которых носило сугубо утилитарный, функциональный характер.

В дальнейшем строительство этого комплекса активно велось в предвоенные и послевоенные годы. Определять же архитектурное лицо этих кварталов суждено было зданиям, стоящим по красной линии на ул. Станиславского – дом №3 (рис.1) и жилой дом №7 (закрепивший угол пересечения двух улиц (рис.2)), относящихся к стилистике т.н. «переходного периода» – от конструктивизма к неоклассике.

Ул. Пархоменко – по большей части в стиле русского классицизма (рис.3) и ул.Котовского с выходом на ул.Ватутина – ближе всего к стилю итальянского ренессанса (рис.4). Архитектура жилых домов на ул.Котовского, разработанная группой архитекторов под руководством И.В.Жолтовского,

Рис. 2. Жилой дом. Ул.Станиславского, 7. Арх. В.М.Тейтель. 1940 г. (Фото автора)

выглядит достаточно невыразительно. Отрезок улицы застроен по периметру шестью пятиэтажными жилыми домами, выходящими своими фасадами на север, что делает архитектурные элементы малозаметными и неубедительными.

Общее впечатление вялости архитектурного ансамбля на ул.Котовского усугубляется традиционно плохим для этого времени качеством строительных материалов.

В целом в архитектуре кварталов №1 и №2 отразились все основные тенденции стилистических

Рис. 3. Жилой дом. Ул.Пархоменко, 6. Фото автора. Середина XX в. (Фото автора)

Рис.4. Здание дома №13/14. Архитекторы Л.Дермаш, И.Соколов, А.Щусев. (Фото из архива НГА. 1948 г.)

изменений этого времени, поэтому периметральная застройка каждой улицы имеет свое архитектурное оформление.

Одним из самых значительных в городе проектов стал проект архитектора конторы Сибгипротранс К.И.Митина – 183-квартирный жилой дом на Вокзальной площади (рис.5). Массив дома обрамляет огромное пространство площади им. Гарина-Михайловского (композиционным центром которой является здание главного городского вокзала) и одновременно фиксирует начало Вокзальной магистрали. Жилой дом с противоположной стороны площади находится ближе к вокзалу, т.к. между 183-квартирным домом К.И.Митина и железнодорожным вокзалом был возведен еще небольшой по объему пригородный – к этим двум вокзалам и сходятся лучи ул.Челюскинцев и Вокзальной магистрали.

Архив новосибирского Союза архитекторов содержит материалы совещания по итогам творческой деятельности новосибирских архитекторов за 1953 г. Сохранилась рецензия архитектора А.Я.Куселиовича (Кузбассшахтпроект).

«Куселиович А.Я.: «По проекту Митина 183-квартирный жилой дом Томской ж/д на Вокзальной площади. Фасад со стороны площади еще не проработан. Нужен цоколь на фасаде со стороны Вокзальной площади». Тов. Овечкин – начальник технического отдела Дорстроя Томской ж/д: «Центром всей Вокзальной площади является монументальное здание вокзала, являющимся воротами в город. Если мы возведем цоколь в этом доме, то мы будем отвлекать внимание от здания вокзала и этим погасим его значение. Мне кажется, что необходимо даже делать 5 этажей, не следует излишне возвышать этот дом над зданием вокзала. Считаю излишним увлечение архитекторов башенными сочетаниями, на площади Сталина, например, они совершенно не нужны. Оперный театр наша гордость и главная доминанта площади и города, зачем нужно подчеркивать третьестепенную величину жилого дома, нужно чтобы жилой дом не гасил значение Оперного театра. Театр и вокзал – главные точки нашего города» [11].

Архитектор В.К.Петровский, напротив, констатирует, что этот дом стоит в начале Вокзальной магистрали, застройка которой уже принята и должна осуществляться семиэтажной, поэтому снизить этажность дома нельзя. И вообще – нужно было сначала проектировать площадь, а затем уже стоящее на ней здание жилого дома (рис.6).

В 1953 г. автор проекта архитектор К.И.Митин в своем отчете по итогам работы проектной конторы Сибгипротранс за 1952 г. скажет, что к имеющемуся варианту 183- квартирного жилого дома на Вокзальной магистрали они пришли после долгой и продолжительной работы. И также,

Рис. 5. Жилой дом с административными помещениями. Ул. Вокзальная магистраль, 2. Арх. К.И.Митин. 1953 г. (Фото автора)

как и архитектор В.К.Петровский, отметит, что ансамбль Вокзальной площади никем до этого не решался: «...Если на площади им. Сталина мы имеем десятки набросков, то по Вокзальной площади, которая является парадным вестибюлем нашего города, таких подготовительных работ не было. Мы пришли от сложного к простому (много первоначальных решений были пышными, с беспокойным силуэтом, с большим количеством ударных мест). На этот жилой дом притягивалась даже башня, но все эти решения отпали после значительного анализа схем и набросков по обстройке площади. Почему мы остановились на этом решении? Дело в том, что Вокзальная площадь должна быть выразительной и мощной, имеющей образ большого города, она должна быть художественной, яркой, надолго запоминающейся, но в тоже время сдержанной, простой и ясной. Пассажир, приехавший и вышедший на Вокзальную площадь, должен почувствовать, что он находится в большом красивом, промышленном социалистическом городе, в котором нет трущоб, нет запущенных и грязных кварталов, оставшихся нам от капиталистического прошлого. Далее пассажир должен увидеть главные направления к центру города»[11].

Итогом этой дискуссии стал некий компромиссный вариант. Во-первых, отказались от башен и сложных беспокойных силуэтов; во-вторых, уменьшили этажность здания с семи до шести этажей без использования высокого цоколя. Но, несмотря на это, дом все-таки сохранил свои первоначальные грандиозные размеры. Поражая своими размерами, здание 183-квартирного жилого дома, тем не менее, не заслоняет своим объемом железнодорожный вокзал. Этому способствуют как его боковое положение, так и цветовое решение: практически черная по цвету масса дома контрастирует со светлым по тону вокзалом.

Архитектурное решение здания можно назвать несомненной удачей архитектора, так как нельзя не учитывать того обстоятельства, что на момент разработки этого проекта проекта ансамбля самой площади не существовало, как «не существует» его и до сих пор (рис.7). На противоположной стороне площади позднее был поставлен шестиэтажный жилой дом, который по своей массе и архитектурному решению значительно уступал соседу. Подобный компромисс в отношении ведущей роли вокзала как своеобразной доминанты привел к тому, что пространство привокзальной площади выглядит ничем не ограниченной и плохо сформированной огромной площадкой.

Архитектором К.И. Митиным упоминается еще один достаточно значимый из его проектов – проект жилого дома, находящегося на пересечении ул. Советской и Вокзальной магистрали

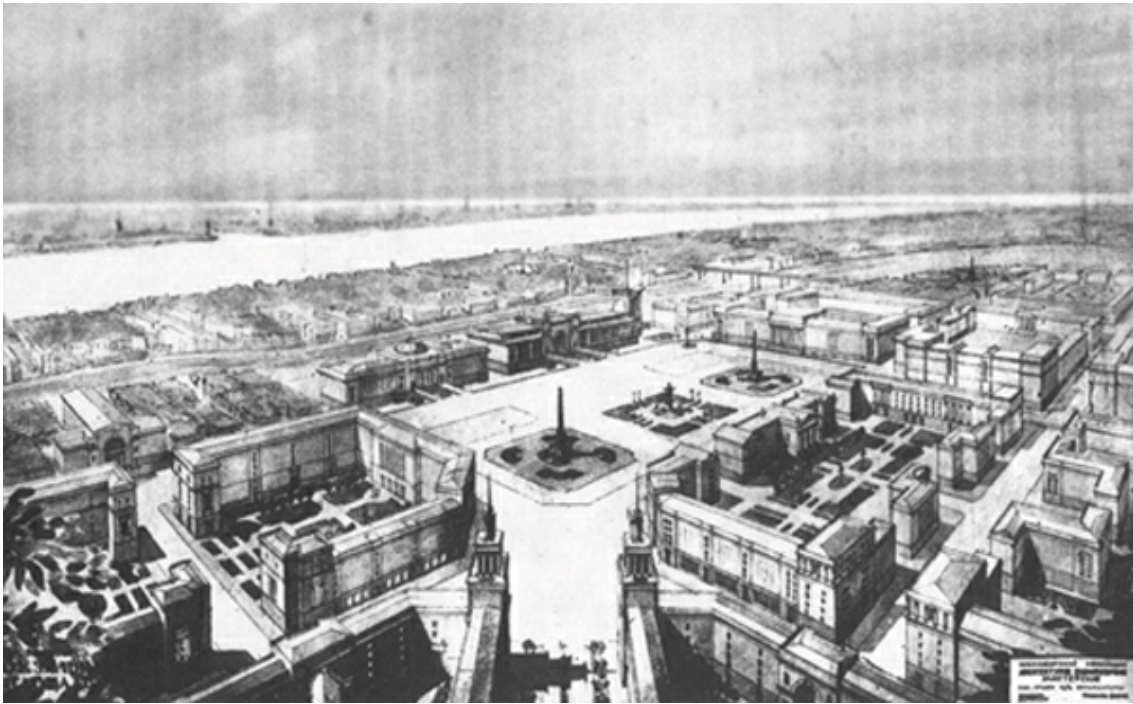

Рис.6. Проект планировки привокзальной площади. (Источник: Новосибирск. История генеральных планов в документах / под ред. В.Н.Шумилова. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 2007)

(рис.8). В качестве небольшой преамбулы перед обзорным анализом этой постройки К.И. Митиным отмечено, что для г. Новосибирска их проектной организацией (Сибгипротранс) спроектировано немного – были выстроены и сданы строительством дома на ул. Урицкого, 4; улицах Советской, Сибирской и Инской.

Переходя к анализу сооружения, автор проекта фиксирует значение этого дома в общей застройке улицы: «Здание 7-этажное, расположено на подходе к самой главной городской площади, носящей имя вождя всех трудящихся мира И.В.Сталина, что потребовало к решению образа подойти осторожно и сдержанно, чтобы в полную силу раскрыть архитектурную значительность площади. Строящийся жилой дом должен быть продолжением застройки правой стороны магистрали, берущей свое начало от дома Сибкрайсоюза, на котором по многим вариантам застройки намечается высотная композиция в виде башни» [11].

У многих проектов отсутствуют изобразительные материалы эскизных вариантов, и проект

Рис. 7. Площадь им. Гарина-Михайловского. (Фото 2009 г.)

Рис. 8. Жилой дом с административными помещениями. Ул. Советская, 20. Арх К.И.Митин. Начало 1950-х гг. (Фото автора)

этого дома не является исключением. Неизвестно, описывал ли К.И.Митин в своем отчете 1953 года уже построенное или еще только строящееся здание, а может быть повторял основные положения разработанного им проекта, но они удивительно точно во всех деталях подходят к семиэтажному зданию, стоящему на ул.Советская, 20.

Основным композиционным элементом этого жилого дома является недифференцированная поверхность стены, имеющая трехчастное членение – первые два этажа ограничены лентой карниза, а между пятым и шестым был пущен пояс из рельефных черных плит, дающих яркое звучание на фоне светлой поверхности фасада. Между ними поставлены пилястры, коринфские с советской символикой, капители которых подпирают пышный карниз. Окна шестого этажа подчеркнуты неглубокими полуциркульными нишами. Угол дома увенчан картушем с вазой и стоящей на ней пятиконечной звездой. В итоге вся композиция строится на равномерных акцентах практически черных капителей пилястр, рельефных плит и кронштейнов карниза на фоне изысканной по цвету, мажорно звучащей стены.

Очень удачно использовано цветовое решение – светлые кремовые тона стен, постепенно уплотняющиеся книзу.

Это здание, находясь на подходе к главной городской площади, своим масштабом выполняет роль своеобразного преддверия со стороны магистрали, идущей от вокзала к площади им.Ленина. На противоположной стороне улицы стоит семиэтажный жилой дом (ул.Советская, 49), по своему решению имеющий не менее репрезентативный характер, чем предыдущий проект (рис.9,10). Венчающим элементом всего сооружения является массивный аттик, богато украшенный советской символикой. Здание возводилось несколько позднее, поэтому фасад дома (по обыкновению начала 1950-х годов) запроектирован в облицовке силикатной плиткой.

Жилой дом Сибгипротранса с домом напротив (ул.Советская,49) оформляли пересечение двух улиц и имели, как и многие дома, стоящие на транспортных развязках, Г-образное решение плана. В первые послевоенные годы начались работы по составлению проектов реконструкции центральной части города и прежде всего его главной площади – им.Ленина. По периметру площадь должна была быть обстроена многоэтажными зданиями с башенными объемами с соответствующей реконструкцией и надстройкой уже имеющихся на ней сооружений (рис.11). Но этот грандиозный замысел так и не был реализован. Начало застройки Вокзальной магистрали также осталось незавершенным. Жилые дома №20 и №49 на ул.Советской

Рис. 9. Жилой дом. Ул.Советская, 49. Конец 1950-х гг. (Фото автора)

оказались единственными зданиями, имеющими неоклассическое оформление по всей линии магистрали.

В качестве общих выводов можно констатировать, что проектирование и строительство в городе шло под влиянием столичных школ и отдельных мастеров. В Новосибирске не существовало региональных архитектурно-художественных институций, также как и не существовало академической схемы подготовки «художника архитектуры», целиком построенной на ордерном методе, поэтому не было понимания классического (ордерного) метода, а кто понимал из московских и ленинградских зодчих, тот не понимал городского организма Новосибирска.

Документы и полемика свидетельствуют, что в городе не было единой архитектурно-художественной системы. Архитекторы-проектировщики и члены архитектурной комиссии объединяли и воплощали, как правило, строительные задачи, а не архитектурно-художественные замыслы.

Объемно-пространственное решение композиции часто подчиняется периметральной линии, что придает кварталам замкнутый характер, а облик каждого квартала теряет индивидуальность. В проектных решениях архитекторы стремились разнообразить застройку введением сложных башенных объемов, особенно в главных узловых местах – на площадях и перекрестках. Подобные решения были рассчитаны только на одностороннее – «фасадное восприятие», т.е. полностью исключалось внимание к внутриквартальным фасадам.

Соответственно, главным критерием оценки при проектировании объекта являлась степень его значимости в городской застройке, от этого зависела и этажность здания, и пластическая разработка фасада. В большинстве своем оценки рецензентов приводили к упрощению проекта при его исполнении в натуре, т.к. часто определяющими оказывались требования строительства.

В проектах нередко отсутствуют элементы, которые подчиняют себе пространство, недостаточно соблюдена иерархия в отношении ордерных элементов. Но для осуществления ансамблевости использовались несколько приемов – симметрия и равновесие, объемно-пространственные доминанты, ритм, применение элементов ордера, общее цветовое решение.

Комплексы жилой застройки г. Новосибирска, возведенные в 1940-1954 годах, обладают разным уровнем ансамблевости.

Ни один из рассмотренных проектов так и не был решен комплексно, то есть первый уровень ансамблевости отсутствовал и при проектировании, и при строительстве. Нет ни одного квартала, где бы

Рис. 10. Застройка ул.Советской на пересечении с Вокзальной магистралью. (Источник: Новосибирск в рисунках Касаткина. – Новосибирск: Советская Сибирь, 2010)

учитывались объемно-пространственные задачи, работал бы ордерный метод, сочеталось малоэтажное и многоэтажное строительство (наряду с хорошим качеством строительства), существовала развитая инфраструктура, жилая застройка была сомасштабна человеку, а пластическое убранство подчиняло бы объемы принципу трёх масштабов: к природному подиуму, к человеку, деталей к целому.

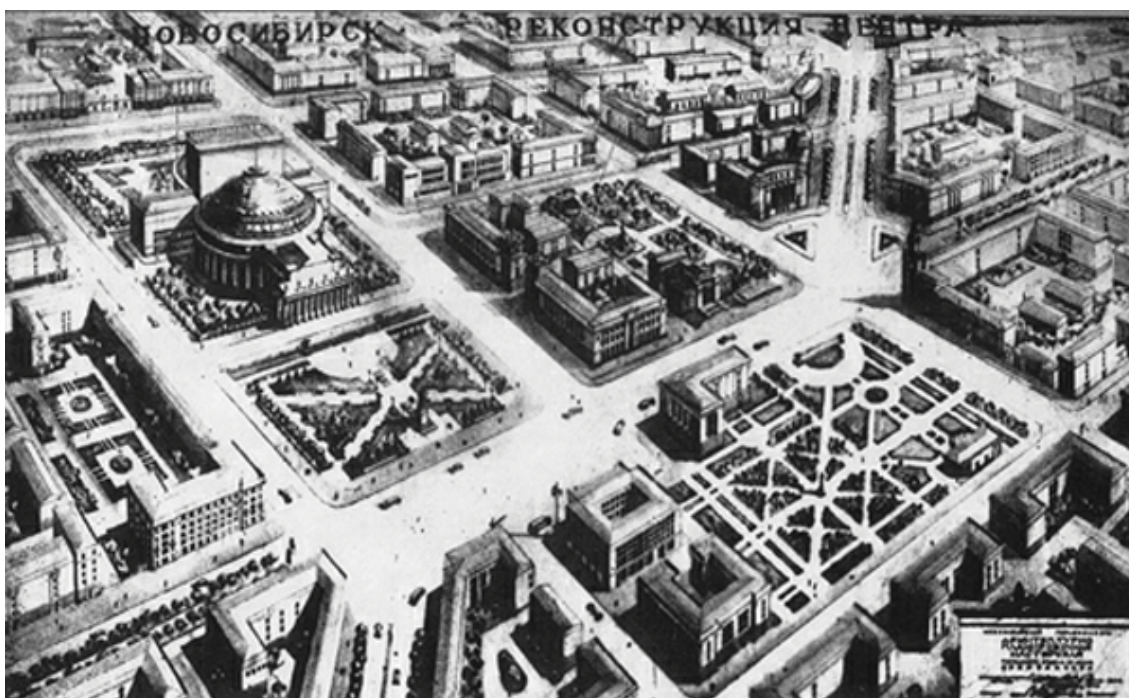

Рис.11. Проект планировки привокзальной площади. (Источник: Новосибирск. История генеральных планов в документах / Под ред. В.Н.Шумилова. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 2007)

Второй уровень – к этой группе относятся кварталы №№1, 2 в Ленинском районе. Здесь комплексно решены объемно-пространственные связи, застройка сомасштабна человеку, сочетается малоэтажное и многоэтажное строительство, но низкое качество отделочных работ. Развита инфраструктура.

Цельно и убедительно выглядит планировочное и объемное решение пересечения Вокзальной магистрали и ул.Советской.

Третий уровень – комплексы, не обладающие практически никакими признаками ансамблевости. Сюда можно отнести застройку площади им. Гарина-Михайловского. Все вышеперечисленные элементы работают слабо и несогласованно.

Сегодня большинство городских ансамблей, возведенных в период 1940 - 1954 гг., постепенно разрушается и исчезает. В отличие от жилых комплексов многих «исторических городов» России, они не будут поставлены под охрану. Поэтому комплексное изучение их историографии – важный компонент изучения всей архитектурной истории Новосибирска.

Библиография

1. Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства. 1893 – 1945 / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1978.
2. Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства. 1945 – 1985 / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1986.
3. Новосибирск. История генеральных планов в документах / под ред. В.Н.Шумилова. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 2007.
4. Хмельницкий Д. Зодчий Сталин / Д. Хмельницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2007.
5. ГАНО, Ф. Р-1444, Оп. 1, Д. 27. Материалы отчетной конференции отделения за 1944 год. Стенограмма конференции членов новосибирского отделения ССА.
6. ГАНО, Ф. Р-1444, Оп. 1, Д. 28. Доклад «Творческий путь и задачи новосибирских архитекторов».
7. ГАНО, Ф. Р-1444, Оп. 1, Д. 21. Стенограмма доклада арх. Гегелло «Архитектурное лицо Новосибирска» за 1943 год.
8. ГАНО, Ф. Р-1444, Оп. 1, Д. 65. Материалы творческого совещания архитекторов г. Новосибирска по докладу кандидата архитектурных наук т. Кузьмина «Творческие задачи Новосибирских архитекторов в связи с решением ЦК ВКП(б) об опере В.Мурадели «Великая дружба».

9. ГАНО, Ф. Р-1444, Оп. 1, Д. 131. Материалы по обследованию работ проектных организаций в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» за 1955 г.

10. ГАНО, Ф. Р-1444, Оп. 1, Д. 60.

11. ГАНО, Ф. Р-1444, Оп. 1, Д. 104.

Статья поступила в редакцию 23.12.2011

HISTORY OF ARCHITECTURE

ARCHITECTURAL PRACTICE IN NOVOSIBIRSK IN THE MID-20th CENTURY: ON THE HISTORY OF 1940–1950 RESIDENTIAL HOUSING DEVELOPMENTS

Petrenko Sergey D.

Graduate student

Saint-Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture,
Saint-Petersburg, Russia

Abstract

Today it is important to objectively assess the structures built in 1940–1954 and determine their role in the city-planning fabric of Novosibirsk as a considerable part of such residential blocks in many cities, including Novosibirsk, belong to the category of dilapidated housing. During the period under consideration, building construction was based on general plans drawn up in 1932 and 1950, which were repeatedly modified and updated. Those plans did not take into account terrains and, thus, were not properly sited on the natural podium. All plans of the Soviet period were, as a rule, linked to industrial production needs. That situation led to fragmentation of the city, which was composed of independent stand-alone boroughs. But it may be generally stated that the city-planning principles underlying the pre-war plans (despite a number of inevitable errors that were not critical) got the future growth possibilities right.

To explore the circumstances that surrounded the development of the city environment, we examined field and archival photos, design drawings, and reviewers' opinions. The article considers the most characteristic housing developments as an example.

A review of various archival materials suggests that there were no uniform evaluation criteria, or such criteria were changing quickly. A question then arises: what was actually done in the area of ensemble construction, and based on what directives?

The residential developments of Novosibirsk built in 1940–1954 display the ensemble character to a varying degree. None of the projects considered was implemented in a comprehensive way, i.e. they failed to represent an ensemble at either the design or building phase, i.e. the first level of ensemble. There is no single housing block that would fit into the terrain and allow for spatial planning needs. The order method did not work, low-rise housing was not combined with high-rise buildings (along with good quality of building work), there was no well-developed infrastructure, the housing did not match the human scale, decorative elements did not put the spaces under the control of the principle of three scales – the natural, the human, and the parts in relation to the whole.

The second level is represented by housing blocks No. 1 and 2 in Leninsky borough. Spatial planning is done comprehensively, buildings are of human scale, low-rise housing is combined with high-rise buildings, but the finishing is of poor quality. The infrastructure is well developed. The planning and spatial design of the crossing of Vokzalnaya and Sovetskaya Streets provides a coherent and convincing impression.

The third level is represented by the developments that do not demonstrate any ensemble features, the built environment of Garin-Mikhailovsky Square being an example. All the above-mentioned elements show poor cohesion and agreement. Keywords: architecture of Novosibirsk, complex residential housing, architectural ensemble.

Key words

architecture of Novosibirsk, complex residential housing, architectural ensemble